

DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-98-118

Научная статья / Research paper

И.А. Анкудинов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

И.А. Иншаков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

ПРАВЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: ПРЕДИКТОРЫ ГОЛОСОВАНИЯ И ПОРТРЕТ ИЗБИРАТЕЛЯ

Большая часть электоральных и партийных исследований сегодня сконцентрирована на поведении избирателей двух-четырех крупных кластеров, которые с некоторой условностью можно расположить на шкале слева направо. На этой же шкале находятся менее внушительные группы, ценность выделения которых часто ставится под сомнение. Настоящая работа фокусирует внимание на одной из таких групп: мы рассматриваем сегмент избирателей, объединенных на основе поддержки ими праволиберальных партий, и пытаемся выявить наиболее значимые детерминанты их выбора. Опираясь на существующие концепции голосования и данные Европейского социального исследования 2016–2018 гг., мы обобщаем возможные предикторы — партийно-политическую самоидентификацию, идеологические позиции, социальное окружение и материальное положение — и тестируем правдоподобность трех теорий («идейной», «отступнической» и теории «выигравших») с помощью регрессионных инструментов. Результаты моделирования показывают, что по ряду параметров выделение новой субгруппы вполне оправданно. Во-первых, следует отвергнуть гипотезу о стратегическом не-голосовании за праволиберальные партии (наоборот, респондент часто «стратегически» отдает голос праволибералам, а не какой-то более близкой ему партии). Во-вторых, мы обнаруживаем схожие характеристики портрета избирателя в разных странах Европы — в частности, к голосованию за правых либералов респондента располагают ценности невмешательства, связанные с оппозицией перераспределению доходов и культурным ограничением. С другой стороны, для полной картины недостаточно указать на идейные предпочтения или линии расколов: на факт голосования существенно влияет социально-экономическое положение, подтверждая высказанные ранее в литературе замечания об определенных «привилегиях» праволибералов.

Ключевые слова: *электоральные предпочтения, портрет избирателя, либерализм, классический либерализм, политические партии.*

Для цитирования: Анкудинов И.А., Иншаков И.А. Правый либерализм в современной Европе: предикторы голосования и портрет избирателя // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. Т. 1. № 1. С. 98–118. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-98-118.

I.A. Ankudinov

National Research University — Higher School of Economics (Moscow, Russia)

I.A. Inshakov

National Research University — Higher School of Economics (Moscow, Russia)

RIGHT-WING LIBERALISM IN CONTEMPORARY EUROPE: PREDICTORS OF VOTING AND VOTER PROFILE

For the most part, electoral and party research today is centered on the behavior of voters in two or four major clusters that can be conventionally placed on a scale from left to right. On the same scale, there are smaller groups whose value of separation is often questioned. This paper focuses on one of these groups: we consider a segment of voters united on the basis of their support for right-wing liberal parties and try to identify the most significant determinants of their choice. Based on the existing concepts of voting and data from the European Social Survey, 2016–2018, we generalize possible predictors – party and political self-identification, ideological stances, social setting and material status – up to three theories ('ideological core', 'defectors' and 'winners'), and test their plausibility using regression tools. Modeling results show that for a number of parameters the separation of new subgroup is justified. First, we reject the hypothesis of a strategic non-voting for right-liberals (on the contrary, respondents often "strategically" vote for them rather than for some personally closer party). Second, we find similar characteristics of the voter profile in different European countries; in particular, people who share the values of non-interference (associated with opposition to income redistribution and cultural restrictions) are more inclined to electorally back the liberal right. On the other hand, for a complete picture it is not enough to indicate ideological or cleavage preferences: the fact of voting is strongly influenced by person's socio-economic background, confirming the earlier remarks about certain "privileges" in this electoral segment.

Key words: *electoral preferences, voter profile, liberalism, classical liberalism, political parties.*

For citations: Ankudinov, I. A., and Inshakov, I. A. “Right-wing Liberalism in Contemporary Europe: Predictors of Voting and Voter Profile,” *Lomonosov Political Science Journal*, Vol. 1, No. 1, 2023, pp. 89–118. (In Russ.) DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-89-118.

Введение

Вне зависимости от политических шоков на электоральной карте Европы уже долгое время сохраняется несколько стабильных объектов: как правило, это крупные коалиции социал-демократического и консервативного толка, а также балансирующие между ними рыночно-либеральные партии, которые выстраивают свою идентичность на противопоставлении зеленым и либерал-центристам¹. Среди последних (рыночных либералов, или просто *праволибералов*) находятся такие сильные игроки, как нидерландская Народная партия за свободу и демократию (Volkspartij voor Vrijheid en Democratie) или «Венстре: Либеральная партия Дании» (Venstre, Danmarks Liberale Parti) — они не просто допускаются до распределения мандатов, но могут формировать правящие коалиции, опираясь при этом на достаточно разнородную, размытую электоральную базу. Существующие обзоры, уделяя им определенное время, тем не менее склоняются к чрезмерной генерализации, раз за разом пытаясь вывести обобщенный портрет избирателя-либерала².

Признавая идейную обособленность правых либералов³, мы, в свою очередь, обращаем внимание на факторы их поддержки. Поскольку европейские партии характеризуются наличием относительно выраженных ядер электората, следует выяснить, насколько отчетлив профиль избирателя-праволиберала, или же его выбор определяется какими-то третьими переменными. Для этого необходимо показать, какие черты или взгляды избирателя способны объяснить вариацию его электорального поведения, иными словами — выделить наиболее значимые предикторы сделанного им выбора. Эти предикторы рассматриваются в следующей части статьи.

¹ Hutter S., Kriesi H. Crises and the Transformation of the National Political Space in Europe // *European Party Politics in Times of Crisis* / Eds. S. Hutter, H. Kriesi. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 11–18.

² Close C. The Liberal Party Family Ideology: Distinct, but Deverse // *Liberal Parties in Europe* / Eds. C. Close, E. van Haute. Abington: Routledge. 2019. P. 326–347.

³ Harmel R., Gibson R.K. Right-Libertarian Parties and the “New Values”: A Re-examination // *Scandinavian Political Studies*. 1995. Vol. 18. No. 2. P. 97–118; Bornschier S. The New Cultural Divide and the Two-dimensional Political Space in Western Europe // *West European Politics*. 2010. Vol. 33. No. 3. P. 419–444.

Конструируя образ правого либерала

В условиях невероятно скорой «разморозки» классических социальных расколов⁴ становится все сложнее выделить среди них определяющие для избирателя факторы. На сегодняшний день относительно стабильными остаются по меньшей мере *поколенческий* (со все более удаляющимся от «центра» и привязанным к конкретной партии возрастным избирателем и более гибким, условно «прогрессивным» молодым) и *образовательный* (с аналогичными изменениями при переходе от менее образованного избирателя к более образованному) разрывы⁵. Гендерные различия, если мы говорим о право-левой идентификации, сильно варьируются от страны к стране⁶. Вкупе с непрекращающимися дебатами между «экономическими» и «культурными» детерминистами это привело к своеобразному компромиссу — партии стали располагать не на одномерной оси (слева направо), а на двумерной плоскости («экономика» — «культура»). На координатах такого рода отдельная четверть представляет праволиберальные силы, которые, как ожидается, будут аккумулировать голоса в поддержку политики невмешательства⁷ и культурного индивидуализма⁸.

Аргументы этой теории можно разложить и на более конкретные политические позиции. Во-первых, это напрямую вытекающий

⁴ См.: *Eloff M.* Social Structure and Electoral Behavior in Comparative Perspective: The Decline of Social Cleavages in Western Europe Revisited // *Perspectives on Politics*. 2007. Vol. 5. No. 2. P. 277–294.

⁵ *Van der Brug W.* Structural and Ideological Voting in Age Cohorts // *West European Politics*. 2010. Vol. 33. No. 3. P. 586–607; *Ford R., Jennings W.* The Changing Cleavage Politics of Western Europe // *Annual Review of Political Science*. 2020. Vol. 23. P. 300–302, 306.

⁶ *Abendschön S., Steinmetz S.* The Gender Gap in Voting Revisited: Women's Party Preferences in a European Context // *Social Politics*. 2014. Vol. 21. No. 2. P. 315–344.

⁷ Под невмешательством понимается прежде всего максимизация свободы в ее негативном понимании, недопустимость концентрации власти каким-либо государственным или квазигосударственным институтом. С этой позиции можно объяснить и типичный для правых либералов проевропеизм, и редкий, но все же имеющий место в предвыборной риторике скепсис: европейский проект предполагал ослабление национального государства, к чрезмерному расширению которого привлекали внимание ранние либералы, но как только «брюссельская бюрократия» стала приобретать его черты, правая составляющая этого лагеря дала о себе знать. О либеральной критике, см., например: *Meadowcroft J.* The European Democratic Deficit, the Market and the Public Space: A Classical Liberal Critique // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2002. Vol. 15. No. 3. P. 181–192.

⁸ *Oesch D., Rennwald L.* Electoral Competition in Europe's New Tripolar Political Space: Class Voting for the Left, Centre-right and Radical Right // *European Journal of Political Research*. 2018. Vol. 57. No. 4. P. 784–785.

из доктрины экономического либерализма антидистрибутизм. Жесткая оппозиция перераспределению доходов является одной из самых базовых черт, выделяющих правый либерализм из длинного списка идеологий, по разным причинам имеющих в названии слово «либеральный»⁹. Во-вторых, в качестве важного атрибута выступает *приватизация культуры*. Под ней мы понимаем принципиальную позицию невмешательства государства в вопросы трех основных измерений той сферы, которая в нашей стране называется духовной, — *религии, этничности и традиционных ценностей*. Таким образом, в либертарно-правой парадигме все решения в этих областях должны приниматься, финансироваться и исполняться на уровне домохозяйства или частных организаций.

Рассмотрим эти измерения по порядку. В отличие от большинства левых идеологий, классический либерализм никогда не затрагивал вопросы личной веры и тем более не проецировал их на политический выбор человека¹⁰. Историческая либеральная критика религии по преимуществу была критикой государства, занимающегося вопросами веры, т.е. представляла собой лишь часть общей картины недоверия праволибералов «большому правительству», и в этом смысле ожидать корреляции религиозных предпочтений с партийными не стоит¹¹. Аналогично, руководствуясь приматом самоидентификации¹², последовательные либералы отрицали политику идентичности, а взгляды носителей этой идеологии на иммиграцию различались в зависимости от типа последней: противоречивое отношение к «культурной угрозе» со стороны переселенцев искажал сравнительно позитивный взгляд на трудовую миграцию¹³. Наконец, ни в научной литературе, ни в представлении избирателей не существует единого мнения по поводу того, какие ценности считать традиционными. Частично это можно связать с тем, что традиции

⁹ *Gamble A.* Economic Libertarianism // *The Oxford Handbook of Political Ideologies* / Eds. M. Freedman, M. Stears. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 413.

¹⁰ *Sikka S.* Liberalism and Religion // *Oxford Research Encyclopedia of Politics* / Ed. W.R. Thompson. 2019. URL: <https://global.oup.com/academic/product/oxford-research-encyclopedias-politics-9780190228637>

¹¹ *Van der Brug W., Hobolt S.B., De Vreese C.H.* Religion and Party Choice in Europe // *West European Politics*. 2009. Vol. 32. No. 6. P. 1266–1283.

¹² *Kaufmann E.* Liberal Ethnicity: Beyond Liberal Nationalism and Minority Rights // *Ethnic and Racial Studies*. 2000. Vol. 23. No. 6. P. 1086.

¹³ См.: *Green-Pedersen C., Krogstrup J.* Immigration as a Political Issue in Denmark and Sweden // *European Journal of Political Research*. 2008. Vol. 47. No. 5. P. 610–634; *Green-Pedersen C., Otjes S.* A Hot Topic? Immigration on the Agenda in Western Europe // *Party Politics*. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 424–434.

могут довольно быстро меняться¹⁴. Общепринятым (и наиболее чистым с точки зрения свободы от воздействия третьих факторов) индикатором можно считать отношение к сексуальным меньшинствам и их правам¹⁵. Тогда последовательный индивидуалист, коим представляется правый либерал в такой схеме, будет скептически настроен по отношению к любым коллективным нормам, которые пытаются облечь себя в форму закона¹⁶.

Вслед за аналогичными работами по декомпозиции голосования¹⁷ мы не можем проигнорировать вопрос *социально-экономического положения*. Не редуцируя его к абстрактной классовой принадлежности, заметим, что определенный перекосящий распределения либерального электората в область высоких значений все же существует. Так, Д. Ош и Л. Реннвальд утверждают, что электоральной вотчиной правоцентристов являются «крупные работодатели, менеджеры и либеральные профессионалы», поскольку «их привилегированное положение... не только склоняет их занимать рыночно-либеральные экономические позиции, но также лишает их страха перед глобализацией, иммиграцией и мультикультурализмом»¹⁸.

Подводя итоги текущего рассуждения, сформулируем несколько общих концепций праволиберального голосования. Тот набор гипотез, который мы рассмотрели в экономико-культурной парадигме, можно назвать теорией идейного ядра: поскольку пропорциональность избирательной системы позволяет большинству европейцев не делать выбор между двумя партиями-тяжеловесами по принципу наименьшего зла, они отдадут голос в соответствии со своими ценностными представлениями, основу которых мы обсудили выше. Альтернативной постановкой вопроса будет теория

¹⁴ Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 1. P. 19–51.

¹⁵ См., например: Bills M.A., Hayes B.E. The Association between Adherence to Sexist Beliefs and Traditional Family Norms, Religion, and Attitudes toward Sexual Minorities // *Journal of Homosexuality*. 2020. Vol. 69. No. 3. P. 499–524.

¹⁶ Рост подозрительности к коллективным идентичностям — особенно в полиэтничных сообществах — приводит к снижению уровню социального доверия, индивидуальной атомизации. См.: Kymlicka W. Neoliberal Multiculturalism // *Social Resilience in the Neoliberal Era* / Eds. P.A. Hall, M. Lamont. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 99–125.

¹⁷ Leimgruber P. Values and Votes: The Indirect Effect of Personal Values on Voting Behavior // *Swiss Political Science Review*. 2011. Vol. 17. No. 2. P. 107–127; Steenbergen M.R. Decomposing the Vote: Individual, Communal, and Cantonal Sources of Voting Behavior in Switzerland // *Swiss Political Science Review*. 2010. Vol. 16. No. 3. P. 403–424.

¹⁸ Oesch D., Rennwald L. Op. cit. P. 787–788.

отступников — избирателей, перешедших на новые позиции из политически близких либерального центра и лагеря консерваторов (кроме прочего, поправению центристов способствовали неолиберальная революция и европейский «правый поворот», а центрированию консерваторов — распространение ценностей постматериализма). Наконец, нельзя обойти вниманием гипотезу Оша и Реннвальд о привилегированном классе. Хотя многие аналитики полагают, что по-настоящему ядерным такой электорат будет для консервативных партий¹⁹, у этой группы также есть мощный стимул голосовать за праволибералов — он связан с тем, что последние тренды популистской риторики вызывают сильное беспокойство в среде верхнего среднего класса. Эти слои всегда выигрывали от политики невмешательства, так как в ситуации статус-кво они имеют и экономическое, и культурное преимущество. В противовес известной в литературе теории проигравших мы назовем это предположение теорией выигравших.

Моделирование и его результаты

Для тестирования всех теоретических гипотез мы использовали данные девятой волны Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS) — индивидуального социологического опроса, который проводился в 2016–2018 гг. в 37 странах континента²⁰. Сами партии отбирались на основании формальных критериев в две итерации, с привлечением профильной литературы и базы данных Manifesto Project²¹. Для каждой предположительно либеральной единицы рассчитывался индекс

$$I = 0.5 \times (\textit{markeco} - \textit{planeco}) + 0.5 \times (\textit{per607} - \textit{per608}),$$

где первое слагаемое представляет собой взвешенное предпочтение рыночной экономики, а второе — взвешенное предпочтение «открытого общества» в партийной программе. Для праволиберальных сил этот показатель, исходя из теории, должен быть строго положительным. Полученный в итоге перечень партий можно увидеть в табл. 1.

¹⁹ *Gidron N., Ziblatt D.* Center-right Political Parties in Advanced Democracies // *Annual Review of Political Science.* 2019. Vol. 22. No. 1. P. 23.

²⁰ ESS9 — 2018 Documentation Report: The ESS Data Archive. Edition 3.1. Bergen: Norwegian Centre for Research Data, 2017. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/round9/survey/ESS9_data_documentation_report_e03_1.pdf

²¹ *Volkens A., Burst T., Krause W. et al.* The Manifesto Data Collection. Manifesto Project (MRG/CMP/MARPOR). Version 2020b. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, 2020. URL: <https://manifesto-project.wzb.eu/datasets/MPDS2020b>

Таблица 1

Правولیберальные партии Европы: распределение по странам и числу респондентов, участвовавших в девятой волне Европейского социального исследования 2016–2018 гг.

Страна	Число респондентов	Партия	Число респондентов
Бельгия	1765	Lijst Dedecker	99
Бельгия	1765	Open VLD	100
Германия	2354	Free Democratic Party	97
Дания	1565	Venstre	100
Дания	1565	Liberal Alliance	347
Исландия	857	Liberal Reform Party	47
Литва	1799	Freedom Union	69
Литва	1799	Liberals' Movement	100
Нидерланды	1669	People's Party for Freedom and Democracy	273
Норвегия	1396	Progress Party	101
Польша	1466	Nowoczesna	43
Словакия	1070	Freedom and Solidarity	58
Швейцария	1531	FDP. The Liberals	152
Швеция	1528	Liberals	95
Эстония	1899	Reform Party	339

Примечание: Наименование партий и число респондентов указаны по данным ESS.

На основе голосования за партии из этой таблицы была сконструирована бинарная переменная *rightlib*, которая использовалась далее как зависимая. Почти все независимые переменные были заимствованы напрямую из опроса ESS и имеют категориальную природу²². В отдельных случаях они подвергались точечным преобразованиям: категории укрупнились в целях линеаризации связи (*lrscale*, *tporgwk*), для коллинеарных предикторов создавался МГК-индекс (*scitrust* как 70 % вариации *ppltrst*, *pplfair* и *pplhlp*²³) или

²² Подробнее о значении переменных см.: ESS8 2016 Data Protocol. Edition 1.4. Bergen: Norwegian Centre for Research Data, 2017. URL: https://www.europeansocial-survey.org/docs/round8/survey/ESS8_data_protocol_e01_4.pdf

²³ Индикатор *ppltrst* отражает представление, что «большинству людей можно доверять и не следует быть слишком осторожным», *pplfair* — «большинство людей

рассчитывалось среднее арифметическое (*antidistr* как среднее *gincdif* и *sofrdst*²⁴). Чтобы учесть персональные мотивации избирателя, были добавлены две контрольные переменные — факторы личной привязанности (переменная *clsprty*, принимает значение 1 в случае наличия у респондента особенно «близкой» партии) и стратегического голосования (переменная *prtdiff*, принимает значение 1 в случае, если респондент указал в качестве предпочтительной одну, но проголосовал за другую партию). Полный список предикторов и основные характеристики их распределения можно увидеть в табл. 2 ниже.

Хотя мы не приводим здесь корреляционную матрицу, исходя из ее поверхностного анализа можно сделать вывод, что большая часть гипотез находит свое предварительное подтверждение. Кроме того, существует зависимость целевой и двух контрольных переменных: анализ остатков показывает, что факт голосования за праволибералов часто совпадает с отсутствием у респондента какой-либо «близкой» партии (и наоборот), а также положительно связан с феноменом стратегического голосования. Последнее наблюдение особенно контринтуитивно, поскольку мы ожидали обратного эффекта — отказа от поддержки праволибералов в пользу партийных тяжеловесов правого фланга (рис. 1 и 2).

Более глубокий анализ проводился с помощью инструментов статистического моделирования: в качестве базовой была оценена модель стандартной логистической регрессии с учетом робастных (кластеризованных по отдельным респондентам) стандартных ошибок. Спецификация такой модели для *i*-го индивида представляет собой линейное уравнение:

$$rightlib_i^* = \beta_0 + \beta_j X_i + \varepsilon_i; \quad i = 1, \dots, n,$$

где $rightlib_i^*$ — латентное представление зависимой переменной (голосовал / не голосовал за праволиберальную партию), β_0 — свободный член уравнения, β_j — регрессионный коэффициент при *j*-м предикторе, ε_i — случайная ошибка.

Проверка результатов на устойчивость осуществлялась следующим образом. Сначала поверх основной регрессии (RSE) строилась ее сокращенная версия, чтобы исключить возможное смещение, вызванное присутствием незначимых переменных (sign.). Затем

пытаются использовать вас или [только] пытаются быть честными», *pplhlp* — люди в основном действуют в своих интересах.

²⁴ Индикатор *gincdif* отражает представление, что «правительство должно уменьшить разницу в уровне доходов», *sofrdst* — «в справедливом обществе доход и богатство распределены поровну».

Таблица 2

Описательные статистики по независимым переменным

Предиктор	Содержание	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимум	Нижний квартиль	Верхний квартиль	Максимум
<i>lrscale</i>	Политические взгляды по шкале «лево — право»	2.0	1.0	0	1	3	4
<i>euff</i>	Отношение к евроинтеграции	5.5	2.6	0	4	7	10
<i>rigdgr</i>	Степень религиозности	4.4	3.1	0	1	7	10
<i>imnecl</i>	Отношение к влиянию иммигрантов на культуру	5.9	2.5	0	5	8	10
<i>imbgeco</i>	Отношение к влиянию иммигрантов на экономику	5.6	2.3	0	4	7	10
<i>freehms</i>	Отношение к правам ЛГБТ	2.0	1.2	1	1	2	5
<i>schtrust</i>	Степень доверия людям	0.0	3.2	-9.9	-1.9	2.3	7.4
<i>domicil</i>	Место жительства	3.0	1.2	1	2	4	5
<i>eduhivb</i>	Уровень образования	14.9	7.5	0	11	22	26
<i>iorgact</i>	Степень влияния политических решений на деятельность организации, где работает респондент	4.3	3.6	0	0	8	10
<i>tporgwk</i>	Тип организации, где работает респондент	1.6	0.5	0	1	2	2
<i>hinchna</i>	Общий доход домохозяйства	5.6	2.8	1	3	8	10
<i>antidistr</i>	Оценка роли правительства в преодолении экономического неравенства	2.6	0.9	1.0	2.0	3.0	5.0
<i>gnr</i>	Пол	1.5	0.5	1	1	2	2
<i>agea</i>	Возраст	50.2	18.9	15	35	65	90
<i>clsprty</i>	Фактор личной привязанности к определенной партии	1.5	0.5	1	1	2	2
<i>prtidiff</i>	Фактор стратегического голосования	0.1	0.3	0	0	0	1

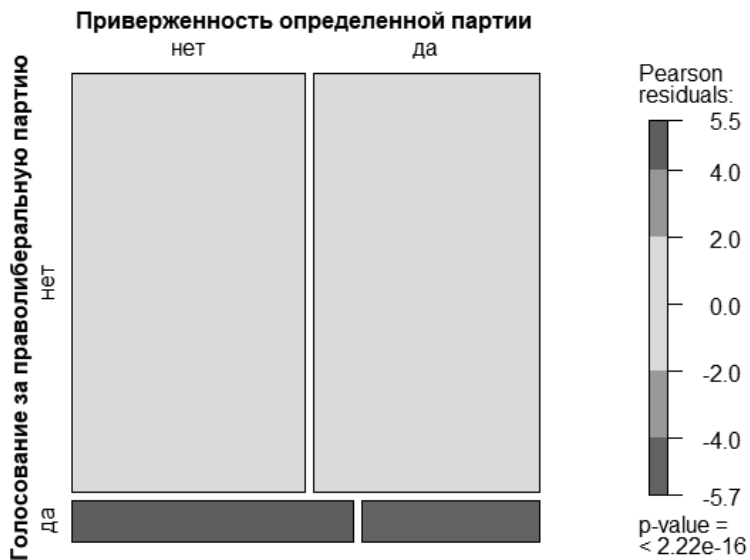

Рис. 1. Созависимость переменных *rightlib* и *clsprty*

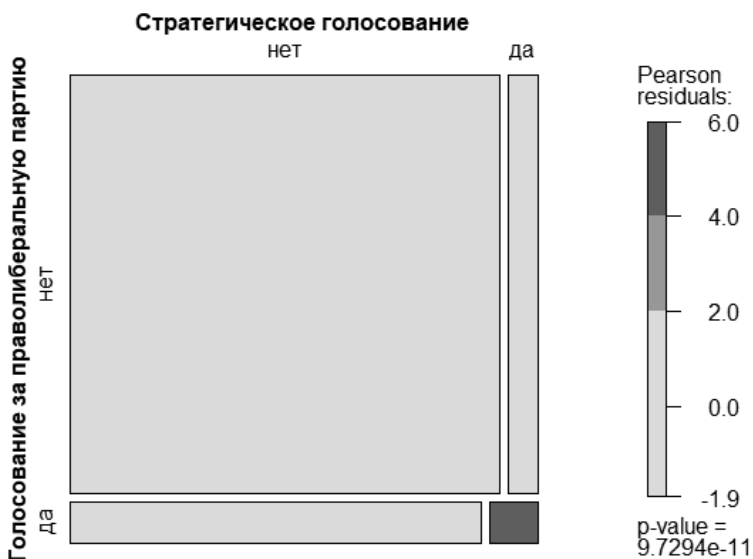

Рис. 2. Созависимость переменных *rightlib* и *prtdiff*

мы проверили, сохраняются ли результаты на усеченной выборке: исходная модель была перестроена на 4/5 данных (из выборки исключалось каждое пятое наблюдение) и 9/12 стран (из выборки были удалены «девиантные» Германия, Норвегия и Польша). Вслед за тем мы добавили в логит-модель фиксированные эффекты (FE) на пространственные единицы, заменив ими более простой механизм учета межстрановых различий. Последним шагом стала альтернативная спецификация для несбалансированных данных, подобных нашим, — мы дополнительно оценили линейную вероятностную модель (LPM) с учетом коррекции Губера — Уайта на гетероскедастичность.

Ниже представлен результат 10-ти шагов²⁵ в последовательной оценке RSE-модели (табл. 3, столбец под графой RSE), она рассматривалась нами как основная. Оценки ее параметров, как и параметров ее составных частей, представляют собой «сырые» коэффициенты — они могут быть интерпретированы только в терминах влияния на склонность голосовать за праволиберальную партию. Контрольные и фиктивные переменные в выдаче скрыты; параметры, имеющие несколько наименований (1, 2, 3, ...), представляют собой категории одной факторной переменной, и значение коэффициента в таком случае отражает результат сравнения каждой из них с базовым уровнем²⁶.

Тест Вальда позволяет нам отвергнуть гипотезы о равенстве нулю всех коэффициентов²⁷, за исключением показателей отношения к иммиграции (*imuechl* и *imbgeco*) и места жительства (*domicil*). Значимость переменных *scitrust* и *tporgwk* остается «пороговой». Диагностики качества самой модели также подтверждают ее целесообразность. Важно заметить, что обстоятельства разнородности

²⁵ Сначала к единственному регрессору (самоидентификация респондента) (1) была добавлена переменная отношения к евроинтеграции (2); затем в уравнении появились предикторы религиозности (3), отношения к иммиграции (4), правам сексуальных меньшинств (5), намерениям других людей и перераспределению доходов (6). Далее, в попытке обрисовать социальное положение респондента, мы учитываем в модели его место жительства (7), уровень образования (8), трудовую позицию (9) и доход (10). R-код для репликации и таблицы с результатами поочередной оценки могут быть предоставлены по запросу.

²⁶ Так, каждый следующий уровень переменной *lrscale* будет означать удаление на один шаг от базовой категории «левый», переменной *freehms* — снижающуюся степень согласия с утверждением о свободе ЛГБТ-сообщества по сравнению с «абсолютным согласием» и т.д.

²⁷ Мы не приводим здесь конкретные значения статистики и p-value по предикторам вследствие слишком большого их числа. Между тем мы также стараемся учесть эффект их взаимодействия, контролируя «вздутие» дисперсии с помощью VIF-теста.

**Оценки параметров альтернативных моделей голосования за
праволиберальную партию**

Предиктор	RSE	RSE (sign.)	RSE (4/5)	RSE (9/12)	FE	LPM
<i>lrscale</i> (1)	1.359*** (0.366)	1.366*** (0.367)	1.576*** (0.460)	1.296*** (0.424)	1.359*** (0.364)	0.008* (0.004)
<i>lrscale</i> (2)	2.127*** (0.365)	2.131*** (0.364)	2.322*** (0.458)	2.205*** (0.422)	2.127*** (0.361)	0.046*** (0.005)
<i>lrscale</i> (3)	2.879*** (0.363)	2.902*** (0.363)	3.141*** (0.456)	3.059*** (0.420)	2.877*** (0.360)	0.123*** (0.006)
<i>lrscale</i> (4)	2.775*** (0.374)	2.810*** (0.373)	3.002*** (0.468)	2.825*** (0.433)	2.773*** (0.372)	0.104*** (0.010)
<i>eufif</i>	0.059*** (0.012)	0.062*** (0.011)	0.057*** (0.013)	0.070*** (0.013)	0.059*** (0.012)	0.004*** (0.001)
<i>rlgdgr</i>	-0.056***	-0.053***	-0.053***	-0.056***	-0.057***	-0.004*** (0.001)
<i>imuect</i>	-0.018		-0.014	0.006 (0.017)	-0.019	-0.002* (0.001)
<i>imbgeco</i>	0.019 (0.016)		0.010 (0.018)	0.027 (0.017)	0.018 (0.016)	0.002** (0.001)
<i>freehms</i> (2)	-0.118*	-0.122*	-0.075	-0.148**	-0.117*	-0.013** (0.005)
<i>freehms</i> (3)	-0.503***	-0.516***	-0.457***	-0.530***	-0.500***	-0.040*** (0.007)
<i>freehms</i> (4)	-0.543***	-0.571***	-0.630***	-0.502***	-0.540***	-0.042*** (0.008)
<i>freehms</i> (5)	-1.210***	-1.234***	-1.078***	-1.303***	-1.207***	-0.056*** (0.008)
<i>scitrust</i>	0.023** (0.011)		0.025* (0.013)	0.026** (0.012)	0.024** (0.011)	0.001 (0.001)
<i>antidistr</i>	0.400*** (0.034)	0.405*** (0.034)	0.412*** (0.039)	0.401*** (0.038)	0.402*** (0.034)	0.034*** (0.003)
<i>domicil</i> (2)	0.012 (0.099)		0.003 (0.111)	-0.014	0.010 (0.099)	0.006 (0.008)
<i>domicil</i> (3)	-0.006		0.001 (0.094)	0.019 (0.093)	-0.009	0.003 (0.006)

Предиктор	RSE	RSE (sign.)	RSE (4/5)	RSE (9/12)	FE	LPM
<i>domicil</i> (4)	0.110 (0.085)		0.091 (0.096)	0.154 (0.094)	0.109 (0.085)	0.010 (0.006)
<i>domicil</i> (5)	0.140 (0.122)		0.193 (0.136)	0.072 (0.138)	0.137 (0.125)	0.014 (0.011)
<i>edulvlb</i>	0.020*** (0.004)	0.018*** (0.004)	0.020*** (0.005)	0.026*** (0.005)	0.020*** (0.004)	0.001*** (0.0003)
<i>iorgact</i>	0.024*** (0.009)	0.029*** (0.008)	0.024** (0.010)	0.028*** (0.009)	0.024*** (0.009)	0.002*** (0.001)
<i>tporgwk</i> (1)	0.035 (0.218)		0.036 (0.242)	-0.135	0.039 (0.220)	-0.002 (0.011)
<i>tporgwk</i> (2)	0.234 (0.214)		0.275 (0.238)	0.039 (0.232)	0.238 (0.217)	0.016 (0.011)
<i>hinctmta</i>	0.070*** (0.012)	0.072*** (0.012)	0.066*** (0.013)	0.078*** (0.014)	0.070*** (0.012)	0.005*** (0.001)
<i>gndr</i> (2)	0.123** (0.059)		0.114* (0.066)	0.163** (0.066)	0.124** (0.059)	0.007 (0.004)
<i>agea</i>	0.014*** (0.002)	0.015*** (0.002)	0.013*** (0.002)	0.015*** (0.002)	0.014*** (0.002)	0.001*** (0.0001)
Constant	-8.014*** (0.462)	-7.862*** (0.401)	-8.225*** (0.564)	-8.401*** (0.533)	-7.687*** (0.489)	-0.209*** (0.018)

Примечание: *p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01.

данных и дисбаланса объясняемой переменной *rightlib* препятствуют нам в оценке качества традиционным способом, т.е. в оценке модели как классификатора: «наивная» стратегия принятия всех избирателей за не-праволибералов даст нам более чем 90%-ную точность, а метрики из семейства псевдо-R² будут отражать способность регрессии воспроизводить структуру выборки. Поэтому мы предпочли более консервативный подход, рассчитав g-mean для порога отсека, заданного минимизацией разницы между чувствительностью и специфичностью (значение 0.735 указывает на приемлемое качество дифференциации) и площадь под независимой от распределения классов ROC-кривой (значение 0.8 подводит нас к аналогичному выводу).

В содержательном ключе результаты моделирования можно представить следующим образом²⁸. Увеличение еврооптимизма респондента на 1 у.е. повышает его шансы проголосовать за праволиберальную партию на 6%; повышенная на единицу религиозность снижает шансы примерно на ту же величину. При сравнении абсолютно толерантного к правам ЛГБТ индивида (*freehms* = 1) с абсолютно нетолерантным (*freehms* = 5) шансы поддержать на выборах праволибералов для последнего снижаются на 70%, при этом значимой разницы между абсолютной и относительной толерантностью обнаружено не было. Самым сильным фактором из присутствующих является отношение избирателя к перераспределению ресурсов — рост несогласия с ним на 1 пункт обернется увеличением шансов проголосовать за праволиберальную партию почти в 1,5 раза. Кроме того, определенный вклад в поддержку партий этого направления в Европе вносит повышение уровня образования (~2%), занятие более высокой (влиятельной) должности на работе (~2,5%), переход в более высокую категорию дохода (~7,2%) и возраст избирателя (~1,5%).

Перед заключением проиллюстрируем работу нашей модели по двум измерениям «идейной» теории (ценностям культурного и экономического индивидуализма) и ключевому предиктору теории «выигравших» (категории дохода). На рис. 3–5 изображены изменения вероятности голосования за праволиберальную партию в ответ на увеличение трех вышеозначенных детерминант (остальные переменные были усреднены, для категориальных предикторов выбирался наиболее частотный уровень — мода).

Заключение

Как показывает сопоставление результатов эмпирического анализа с гипотезами о структуре электората, по крайней мере часть наших представлений о последнем неверна. Так, если мы допускаем ценность выделения из общей группы избирателей правых либералов, оказывается, что они значимо отличаются от своих «соседей» на политическом спектре (а именно: от умеренного и консервативного электората), притом существует сравнительно небольшой набор характеристик, которые позволяют сделать это различие более резким.

²⁸ Интерпретация дана в терминах отношения шансов (отношения экспонент в степени коэффициентов модели), и каждый вывод подразумевает предварительное замечание «в среднем и при прочих равных». Если не указано иное, сравнение проводится при увеличении значения предиктора на 1 единицу измерения.

Рис. 3. Взаимосвязь предсказанных вероятностей в голосовании за праволиберальные партии и переменной *freehms*

Рис. 4. Взаимосвязь предсказанных вероятностей в голосовании за праволиберальные партии и переменной *antidistr*

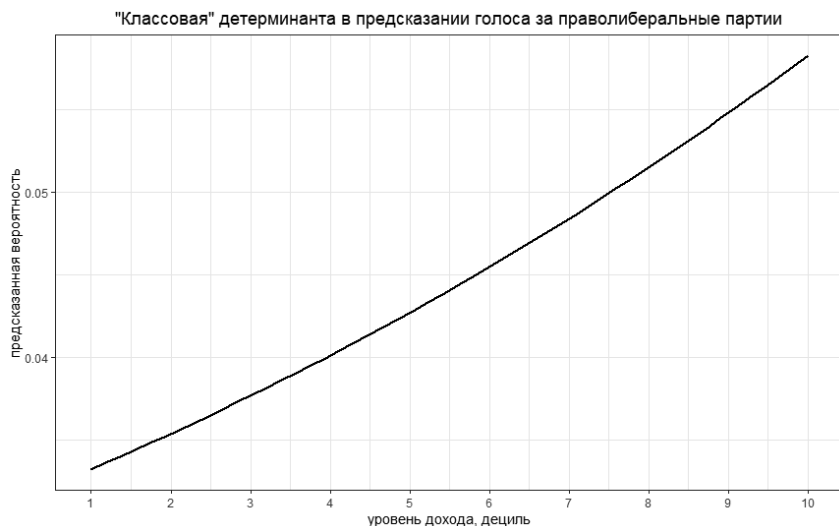

Рис. 5. Взаимосвязь предсказанных вероятностей в голосовании за праволиберальные партии и переменной *hinctnta*

Наш анализ показывает, что ядро поддержки праволиберальных партий высоко ценит индивидуальную автономию, оппонирова одновременно проявлениям экономической регуляции и культурного нормотворчества. Этот вывод кажется тривиальным обобщением воздействия идеологии партий на их избирателей или, наоборот, влияния взглядов избирателей на партийную идеологию, но только до тех пор, пока мы не учитываем контекст: другие партии и другие детерминанты. Во-первых, идейная компонента, даже при условии политической грамотности массового избирателя, не всегда перетекает в поддержку партий сходного направления. Во-вторых, именно эта система ценностей позволяет нам наиболее полно объяснить партийный выбор респондентов (самый существенный вклад в поведение зависимой переменной вносят именно «идейные» компоненты модели, будь то индивидуализм, еврооптимизм или секулярность). Свою несостоятельность в этом смысле доказывает позиция, согласно которой электорат таких партий — «лоскутное одеяло» из крупных кластеров политического центра и правого фланга (мы называли ее теорией отступников).

Впрочем, опрометчиво портретировать избирателя-праволиберала, исходя из идейной теории. Как минимум последнюю нельзя

воспринимать слишком буквально: из совпадения заявленной идеологии с предпочтениями избирателя не следует, что программа партии списана с работ английских политэкономов, а ее электорат более структурирован, чем у любой другой политической силы. В нашем случае дело обстоит не совсем так: объяснительный механизм идейной теории строится на примате ценностей избирателя, полагая остальные его параметры относительно нормально распределенными; мы, напротив, видим их связь с тем, что Ош и Реннвальд назвали бы *чертами привилегированного класса*. Во всяком случае, склонность к финансовой самостоятельности легко объяснить личными успехами на профессиональном поприще, с которыми можно связать и отсутствие предубеждений или чувства ресентимента, часто порождающих нетерпимость в культуре.

ЛИТЕРАТУРА

Abendschön S., Steinmetz S. The Gender Gap in Voting Revisited: Women's Party Preferences in a European Context // *Social Politics*. 2014. Vol. 21. No. 2. P. 315–344.

Bills M.A., Hayes B.E. The Association between Adherence to Sexist Beliefs and Traditional Family Norms, Religion, and Attitudes toward Sexual Minorities // *Journal of Homosexuality*. 2020. Vol. 69. No. 3. P. 499–524.

Bornschier S. The New Cultural Divide and the Two-dimensional Political Space in Western Europe // *West European Politics*. 2010. Vol. 33. No. 3. P. 419–444.

Close C. The Liberal Party Family Ideology: Distinct, but Deverse // *Liberal Parties in Europe* / Eds. C. Close, E. van Haute. Abington: Routledge. 2019. P. 326–347.

Eloff M. Social Structure and Electoral Behavior in Comparative Perspective: The Decline of Social Cleavages in Western Europe Revisited // *Perspectives on Politics*. 2007. Vol. 5. No. 2. P. 277–294.

ESS8 2016 Data Protocol. Edition 1.4. Bergen: Norwegian Centre for Research Data, 2017. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/round8/survey/ESS8_data_protocol_e01_4.pdf

ESS9 — 2018 Documentation Report: The ESS Data Archive. Edition 3.1. Bergen: Norwegian Centre for Research Data, 2017. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/round9/survey/ESS9_data_documentation_report_e03_1.pdf

Ford R., Jennings W. The Changing Cleavage Politics of Western Europe // *Annual Review of Political Science*. 2020. Vol. 23. P. 295–314.

Gamble A. Economic Libertarianism // *The Oxford Handbook of Political Ideologies* / Eds. M. Freeden, M. Stears. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 405–421.

Gidron N., Ziblatt D. Center-right Political Parties in Advanced Democracies // *Annual Review of Political Science*. 2019. Vol. 22. No. 1. P. 17–35.

Green-Pedersen C., Otjes S. A Hot Topic? Immigration on the Agenda in Western Europe // *Party Politics*. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 424–434.

Green-Pedersen C., Krogstrup J. Immigration as a Political Issue in Denmark and Sweden // *European Journal of Political Research*. 2008. Vol. 47. No. 5. P. 610–634.

Harmel R., Gibson R.K. Right-Libertarian Parties and the “New Values”: A Re-examination // *Scandinavian Political Studies*. 1995. Vol. 18. No. 2. P. 97–118.

Hutter S., Kriesi H. Crises and the Transformation of the National Political Space in Europe // *European Party Politics in Times of Crisis* / Eds. S. Hutter, H. Kriesi. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 3–32.

Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 1. P. 19–51.

Kaufmann E. Liberal Ethnicity: Beyond Liberal Nationalism and Minority Rights // *Ethnic and Racial Studies*. 2000. Vol. 23. No. 6. P. 1086–1119.

Kymlicka W. Neoliberal Multiculturalism // *Social Resilience in the Neoliberal Era* / Eds. P.A. Hall, M. Lamont. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 99–125.

Leimgruber P. Values and Votes: The Indirect Effect of Personal Values on Voting Behavior // *Swiss Political Science Review*. 2011. Vol. 17. No. 2. P. 107–127.

Meadowcroft J. The European Democratic Deficit, the Market and the Public Space: A Classical Liberal Critique // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2002. Vol. 15. No. 3. P. 181–192.

Oesch D., Rennwald L. Electoral Competition in Europe's New Tripolar Political Space: Class Voting for the Left, Centre-right and Radical Right // *European Journal of Political Research*. 2018. Vol. 57. No. 4. P. 783–807.

Sikka S. Liberalism and Religion // *Oxford Research Encyclopedia of Politics* / Ed. W.R. Thompson. 2019. URL: <https://global.oup.com/academic/product/oxford-research-encyclopedias-politics-9780190228637>

Steenbergen M.R. Decomposing the Vote: Individual, Communal, and Cantonal Sources of Voting Behavior in Switzerland // *Swiss Political Science Review*. 2010. Vol. 16. No. 3. P. 403–424.

Van der Brug W. Structural and Ideological Voting in Age Cohorts // *West European Politics*. 2010. Vol. 33. No. 3. P. 586–607.

Van der Brug W., Hobolt S.B., De Vreese C.H. Religion and Party Choice in Europe // *West European Politics*. 2009. Vol. 32. No. 6. P. 1266–1283.

Volkens A., Burst T., Krause W. et al. The Manifesto Data Collection. Manifesto Project (MRG/CMP/MARPOR). Version 2020b. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, 2020. URL: <https://manifesto-project.wzb.eu/datasets/MPDS2020b>

REFERENCES

Abendschön, S., and Steinmetz, S. “The Gender Gap in Voting Revisited: Women’s Party Preferences in a European Context,” *Social Politics*, Vol. 21, No. 2, 2014, pp. 315–344.

Bills, M. A., and Hayes, B. E. “The Association between Adherence to Sexist Beliefs and Traditional Family Norms, Religion, and Attitudes toward Sexual Minorities,” *Journal of Homosexuality*, Vol. 69, No. 3, 2020, pp. 499–524.

Bornschieer, S. “The New Cultural Divide and the Two-dimensional Political Space in Western Europe,” *West European Politics*, Vol. 33, No. 3, 2010, pp. 419–444.

Close, C. “The Liberal Party Family Ideology: Distinct, but Deverse,” *Liberal Parties in Europe*, eds. C. Close, and E. van Haute. Abington: Routledge. 2019, pp. 326–347.

Elff, M. “Social Structure and Electoral Behavior in Comparative Perspective: The Decline of Social Cleavages in Western Europe Revisited,” *Perspectives on Politics*, Vol. 5, No. 2, 2007, pp. 277–294.

ESS8 2016 Data Protocol. Edition 1.4. Bergen: Norwegian Centre for Research Data, 2017, URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/round8/survey/ESS8_data_protocol_e01_4.pdf

ESS9 — 2018 Documentation Report: The ESS Data Archive. Edition 3.1. Bergen: Norwegian Centre for Research Data, 2017, URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/round9/survey/ESS9_data_documentation_report_e03_1.pdf

Ford, R., and Jennings, W. “The Changing Cleavage Politics of Western Europe,” *Annual Review of Political Science*, Vol. 23, 2020, pp. 295–314.

Gamble, A. “Economic Libertarianism,” *The Oxford Handbook of Political Ideologies*, eds. M. Freeden, and M. Stears. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 405–421.

Gidron, N., and Ziblatt, D. “Center-right Political Parties in Advanced Democracies,” *Annual Review of Political Science*, Vol. 22, No. 1, 2019, pp. 17–35.

Green-Pedersen, C., and Otjes, S. “A Hot Topic? Immigration on the Agenda in Western Europe,” *Party Politics*, Vol. 25, No. 3, 2019, pp. 424–434.

Green-Pedersen, C., and Krogstrup, J. “Immigration as a Political Issue in Denmark and Sweden,” *European Journal of Political Research*, Vol. 47, No. 5, 2008, pp. 610–634.

Harmel, R., and Gibson, R. K. “Right-Libertarian Parties and the “New Values”: A Re-examination,” *Scandinavian Political Studies*, Vol. 18, No. 2, 1995, pp. 97–118.

Hutter, S., and Kriesi, H. “Crises and the Transformation of the National Political Space in Europe,” *European Party Politics in Times of Crisis*, eds. S. Hutter, and H. Kriesi. Cambridge: Cambridge University Press, 2019, pp. 3–32.

Inglehart, R., and Baker, W. E. “Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values,” *American Sociological Review*, Vol. 65, No. 1, 2000, pp. 19–51.

Kaufmann, E. “Liberal Ethnicity: Beyond Liberal Nationalism and Minority Rights,” *Ethnic and Racial Studies*, Vol. 23, No. 6, 2000, pp. 1086–1119.

Kymlicka, W. “Neoliberal Multiculturalism,” *Social Resilience in the Neoliberal Era*, eds. P. A. Hall, and M. Lamont. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, pp. 99–125.

Leimgruber, P. “Values and Votes: The Indirect Effect of Personal Values on Voting Behavior,” *Swiss Political Science Review*, Vol. 17, No. 2, 2011, pp. 107–127.

Meadowcroft, J. “The European Democratic Deficit, the Market and the Public Space: A Classical Liberal Critique,” *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, Vol. 15, No. 3, 2002, pp. 181–192.

Oesch, D., and Rennwald, L. “Electoral Competition in Europe’s New Tripolar Political Space: Class Voting for the Left, Centre-right and Radical Right,” *European Journal of Political Research*, Vol. 57, No. 4, 2018, pp. 783–807.

Sikka, S. “Liberalism and Religion,” *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, ed. W. R. Thompson. 2019, URL: <https://global.oup.com/academic/product/oxford-research-encyclopedias-politics-9780190228637>

Steenbergen, M. R. “Decomposing the Vote: Individual, Communal, and Cantonal Sources of Voting Behavior in Switzerland,” *Swiss Political Science Review*, Vol. 16, No. 3, 2010, pp. 403–424.

Van der Brug, W. “Structural and Ideological Voting in Age Cohorts,” *West European Politics*, Vol. 33, No. 3, 2010, pp. 586–607.

Van der Brug, W., Hobolt S. B., and De Vreese, C. H. “Religion and Party Choice in Europe,” *West European Politics*, Vol. 32, No. 6, 2009, pp. 1266–1283.

Volkens, A., Burst, T., Krause, W. et al. *The Manifesto Data Collection. Manifesto Project (MRG/CMP/MARPOR)*. Version 2020b. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, 2020, URL: <https://manifesto-project.wzb.eu/datasets/MPDS2020b>

ОБ АВТОРАХ

Иван Андреевич Анкудинов — ассистент департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, д. 20, 101000, Москва, Россия), e-mail: iaankudinov@edu.hse.ru.

Илья Александрович Иншаков — старший преподаватель департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, д. 20, 101000, Москва, Россия), e-mail: iinshakov@hse.ru.

ABOUT THE AUTHORS

Ivan Andreevich Ankudinov — Assistant, School of Politics and Governance, National Research University — Higher School of Economics (20 Myasnitckaya ul., Moscow 101000, Russia), e-mail: iaankudinov@edu.hse.ru.

Ilya Aleksandrovich Inshakov — Senior Lecturer, School of Politics and Governance, National Research University — Higher School of Economics (20 Myasnitckaya ul., Moscow 101000, Russia), e-mail: iinshakov@hse.ru.